

С. И. НИКОЛАЕВ

ПОДРАЖАНИЯ КАНТЕМИРУ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII—XX ВЕКОВ

Репутация русских поэтов XVIII в. на протяжении последующих веков складывалась по-разному. Так, М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин еще при жизни заняли высшие места на российском Парнасе и по достоинству занимают их по сегодняшний день. Прижизненная слава А. П. Сумарокова уже к середине XIX в. незаслуженно померкла, в XIX в. его стихи вообще не издавались ни разу отдельными книгами. Напротив, насмешки еще современников над В. К. Третьяковским нанесли непоправимый удар по его репутации, и только к концу XX в. началась переоценка его творчества и вклада в русскую литературу, а в начале XXI в. появились и новые издания его произведений. Другое дело — А. Д. Кантемир. В 1845 г. В. Г. Белинский писал: «Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи».¹ Белинский оказался прав, репутация Кантемира всегда оставалась безупречной и благородной. Правда, она была несколько однобокой и подразумевала только сатиру, что и закрепилось в рифме-мифологеме (термин предложен А. А. Илюшиным): «сатира-Кантемира» (ср. соответственно: «Ломоносов-россов», «Сумароков-пороков»)². Эта рифма-мифологема и определила репутацию Кантемира

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 614.

² См.: Илюшин А. А. Проблема барочной поэтической антропонимии : Имя поэта и его литературная репутация // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 229—233.

в последующие века. К сожалению, образ Кантемира-сатирика почти полностью затмил Кантемира-поэта.

Почитание Кантемира-сатирика начал Третьяковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» 1735 г., в котором была напечатана единственная при жизни поэта строка — «из первой сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского».³ Перечисляя далее «авторов наиславнейших, которым надлежит подражать во всех сих родах выше помянутых поэзии», а в этот перечень вошли только иностранные авторы, Третьяковский доходит до сатиры и после латинских и французских авторов приводит имя единственного в «Новом и кратком способе» отечественного автора: «На российском: князь Антиох Дмитриевич Кантемир, которого первый стих, из первой его сатиры, часто предлагаем был в правилах моих примером нашего эксаметра. <...> При том же и сие мне к тому дало повод, то есть дабы чрез сию перемену объявить оному благородному и никогда между нашими, нынешними и будущими, пиитами в памяти умереть не имеющему автору, что коль чрез малую перемену и легкий способ можно из старых наших стихов новые сделать, буде он благоволяет еще когда забаву иметь, для препровождения своего времени, в сложении стихов, и буде высокие, к тому ж и важные упражнения и дела (которые острой его прозорливости и бодрому попечению, при дворе великобританском в характере полномочного министра ныне вверены) к тому его допускают».⁴ Так Третьяковский начал строительство русского Парнаса, поместив в него Кантемира — «в памяти умереть не имеющему автору».

Укреплению репутации Кантемира способствовали, конечно, и переводы его сатир, появившиеся еще при жизни. Как кажется, ни одного русского поэта до Державина столько не переводили на иностранные языки. Русский дипломат Александр Вешняков писал Кантемиру 26 ноября 1732 г. из Константинополя в Лондон: «Я получил несколько Ваших прекрасных произведений, дорогой князь, и даже кое-что перевел, как мог, на французский язык по просьбе одного из Ваших друзей».⁵ Полгода спустя, в письме от 21 мая 1733 г., Вешняков извещает Кантемира о том, что он подготовил прозаический перевод «первыя <...> сатиры» Кантемира:

³ Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 370.

⁴ Там же. С. 418—419.

⁵ Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa : Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst. Berlin, 1966. S. 280.

«С нетерпеливостью буду ожидать знаков вашей ко мне милости присылкою стихов, я же с радостию бы прислал перевод первыя вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однако ж с доброю оказиею, повинуюсь повелению вашему, я исполнить не премину». ⁶ В 1740 г. Г. Н. Теплов перевел с русского на латынь несколько сатир Кантемира, ⁷ а сам Кантемир (видимо, с помощью аббата Гуаско) перевел свои сатиры на итальянский язык — все эти переводы не сохранились. Зато были опубликованы переводы на французский и немецкий языки, причем амстердамское и берлинское издания были выполнены по заказу из России. ⁸ Наконец, в 1772 г. появился перевод 6-й сатиры на польский язык, выполненный с французского языка. ⁹ Неудивительно, что в 1760 г. И. Х. Готшед признал Кантемира основателем русского Парнаса. ¹⁰ Примечательна и обратная связь. В России сатиры Кантемира впервые были напечатаны лишь в 1762 г., причем необходимость их издания обосновывалась и тем обстоятельством, что «Кантемировы сочинения на разных языках давно уже в свет изданы». ¹¹

Исключительно почтительное отношение Третьяковского к Кантемиру в «Новом и кратком способе» говорит о том, что Кантемир, имея от роду всего 26 лет, был объявлен поэтом, заслуживающим подражания. И Кантемир был счастлив в подражателях еще при жизни. В 1730—1760-х гг. разными авторами были написаны три сатиры в подражание Кантемиру. Это сатира «На состояние сего света. К Солнцу». Здесь подражание Кантемиру наиболее очевидно, поскольку она была даже включена в корпус его сочинений. ¹² Две другие сатиры, обнаруженные и опубликованные в 1928 г. В. Н. Перетцом, «Сатира на скупого человека» и «Descriptio

⁶ Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 21.

⁷ См.: Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2. С. 207.

⁸ См.: Грассгоф Х. Первые переводы сатир А. Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 101—111; Копанев Н. А. О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век : Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. Сб. 15. С. 140—154.

⁹ См.: Николаев С. И. А. Кантемир в польском журнале XVIII в. // Русская литература. 1993. № 3. С. 64—65.

¹⁰ См.: Gottsched J. Ch. Handlexikon oder Kurzgefasstes Wörterbuch der schönen Wissenschaften und freyen Künste / Hrsg. J. Christoph. Hildesheim; New York, 1970. Sp. 329—330.

¹¹ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 656.

¹² См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 181—189; Муравьева Л. Р. Проблема т. н. «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153—178; Калачева С. В. Кантемир и рукописная традиция :

Vaschi»,¹³ также откровенно подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования. При всем исключительно искусном подражании в так называемой «девятой» сатире нет следов особого поэтического языка и стиля Кантемира («стихотворного наречия»), она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. В этих сатирах нет привычной у Кантемира классической подкладки, а в примечаниях нет и следа блестящей и разнообразной эрудиции Кантемира. Что касается введенной в русскую поэзию системы подробных авторских примечаний к своим стихам, то можно предположить, что именно по образцу Кантемира написал обширные примечания и Петр Буслаев к своей поэме «Умозрительство душевное, описанное стихами о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой», которая была написана в Москве, но издана в петербургской академической типографии в 1734 г., возможно, не без содействия Третьяковского.

Однако столь удачно начавшиеся подражания Кантемиру к 1760-м гг. заканчиваются, несмотря на издание в 1762 г. его «Сатир и других стихотворческих сочинений», сделавшее сочинения Кантемира гораздо доступнее. Дело было не только в том, что в литературной жизни России появились новые лица — Ломоносов, Сумароков и сам Третьяковский. Реформа русского стихосложения, которую Кантемир решительно не принял, а затем и развитие русского литературного языка привели к тому, что на фоне новой русской поэзии сатиры Кантемира могли, вероятно, производить впечатление стилистической неупорядоченности. А. С. Пушкин в черновых набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».¹⁴ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика оставался непререкаемым, новая русская литература усвоила жанр, но не поэтический стиль Кантемира.

Неожиданный всплеск интереса к Кантемиру пришелся на первые десятилетия XIX в. Н. М. Карамзин дает блестящую характеристику его языку и чувству гармонии в «Пантеоне российских авторов» (1802), А. С. Шишков отводит его сатирам десять страниц в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803), а затем посвящает ему обширный очерк, опубликованный в «Чтении в Беседе любителей русского слова»

(Был ли Кантемир автором сатиры «К Солнцу. На состояние света сего»?) // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1962. № 4. С. 175—183.

¹³ См.: *Перетц В. Н.* Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1. № 2. С. 335—357.

¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 494.

(1813). М. Н. Муравьев издает разговор «Гораций и князь Антиох Димитриевич Кантемир» (1810), В. А. Жуковский в том же году пишет «Критический разбор Кантемировых сатир», К. Н. Батюшков в 1819 г. пишет известный разговор «Вечер у Кантемира». О Кантемире пишут также А. Ф. Мерзляков и В. Г. Анастасевич, публикуется русский перевод биографии Кантемира, написанный аббатом Гуаско. В журналах печатаются сведения об обнаруженных рукописях поэта, дипломатические депеши Кантемира из Лондона, С. Г. Саларев публикует одно из писем, ставших позднее известными под названием «Письма о природе и человеке». Складывается впечатление, что в истории русской литературы не было двух других десятилетий столь пристального интереса к Кантемиру ведущих писателей и поэтов, публиковавших свои размышления и разыскания в самых разных журналах. Кантемир становится *arbiter elegantiarum* и, что важно для нашей темы, «Российских стран Горацием» и признанным горацианцем, особенно это чувствуется в разговоре Муравьева. Венчает эту череду публикаций статья Белинского 1845 г., в которой он признавался: «Развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение. По крайней мере для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина. <...> от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться».¹⁵ Здесь не лишне напомнить, что «старик Кантемир» не дожил и до 35 лет.

Обилие литературно-критических материалов о Кантемире в начале XIX в. вызвало и стихотворные подражания. В 1805 г. в журнале «Московский курьер» было опубликовано анонимное стихотворение «Пилигримы» с примечанием: «Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира»:

Лишь тот блажен в сем бурном свете
И счастлив участью своей,
Не езда кто в золотой карете
И не увеча лошадей,
Достатком средственным доволен,
От мыслей суетных уволен,
И добродетель возлюбя —
Ее законы исполняет,
С веселием на смерть взирает,
Чтет счастливым в бедах себя.¹⁶

¹⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 633—634.

¹⁶ *N. N.* Пилигримы. («Лишь тот блажен в сем бурном свете...»): Вольное переложение 6-й сатиры князя Антиоха Кантемира // Московский курьер. 1805. Ч. 1. № 21. С. 321—335.

Неизвестный автор, подписавшийся буквами N. N., выбрал для переложения самую горацианскую по характеру сатиру Кантемира. Но надо признать, что это чересчур вольное переложение: в нем 400 стихов против 162 у Кантемира. Лишь в самом начале в процитированном отрывке можно при сравнении заметить следы подлинника, а затем автор удаляется от Кантемира и если бы не примечание, то угадать, что автор перелагает Кантемира, было бы сложно. Но важнее другое: при переложении силлабического стиха в 4-стопный ямб «стихотворное наречие» Кантемира пропадает начисто.¹⁷

Следующее подражание вышло из-под пера поэта-самоучки Е. И. Алипанова и вошло в его книгу «Стихотворения крестьянина Егора Алипанова» (1830). Это был «Отрывок из послания в сатирическом роде, подражание ямбами сатире Кантемира, написанной экзаметрами»:

Почтенный гражданин, приятель дорогой,
Ты страсти одолев — обрел себе покой,
И обществу всему соделался полезным,
Семейству и друзьям, и ближним стал любезным.
Ты доброю душой порочных посрамил,
Возвысил род простой, путь к чести проложил,
Не ропщешь на судьбу, хоть в бедном положении,
Терпение хранишь в напастьях и гоненьях.¹⁸

Такими унылыми стихами написано все небольшое послание, завершающееся банальным восклицанием:

Так недовольны мы, но где бы нам не жить,
Хлопот не миновать, заботы не избыть.
Везде есть трудности, где ищем мы блаженства,
Ах! видно не найти в сей жизни совершенства.

Известно, что Алипанов был по преимуществу имитатором литературных образцов. Скорее всего, он даже и не обращался к изданию сочинений Кантемира, а воспользовался 5-й сатирой поэта, процитированной Шишковым в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» 1803 г.

¹⁷ См.: Николаев С. И. 1) Трудный Кантемир : (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3—14; 2) «Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // *Natales grate numeras?* : Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409—413.

¹⁸ Алипанов Е. Стихотворения. СПб., 1830. С. 35.

Единственный, кажется, случай подражания не сатирам Кантемира отыскивается у А. Е. Измайлова, который в 1818 г. напечатал в «Благонамеренном» эпиграмму:

Послушаешь одних, так очень глуп Мирон;
Другие говорят: умен!
Кому же верить должно?
Не лжет ли кто-нибудь? — Никак!
Когда Мирон молчит, его счесть умным можно;
Заговорит — дурак!

К эпиграмме автор сделал примечание: «Каюсь пред всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А. Д. Кантемира. Вот оригинал» и далее Измайлов привел по изданию 1762 г. эпиграмму «На Брута».¹⁹

Представляется, что приведенные подражания подтверждают уже сказанное — при попытке перевести Кантемира из силлабического стихосложения в силлаботоническое пропадает все очарование поэзии Кантемира. Складывается впечатление, что поэты XIX в. не подражают его стихам, а перелагают в ямбы авторские прозаические объяснительные примечания к сатирам, остается только сама тема сатиры, а между тем эти темы присущи всей истории жанра.²⁰

Несмотря на замечательный отзыв Белинского, во второй половине XIX в. чтение Кантемира постепенно переходит в университетскую и академическую ученую среду. Он становится просто классиком. Его издают и изучают, но живого интереса, сравнимого с двумя первыми десятилетиями XIX в., он не вызывает. После научного издания сочинений Кантемира под редакцией П. А. Ефремова (1867—1868) стихи Кантемира особо и не печатаются. Кантемир-сатирик затмил Кантемира-поэта и не вызывал особого научного интереса. Так, Г. А. Гуковский в своей книге «Русская поэзия XVIII века» (1927) не отвел отдельной главы для Кантемира (а также для Тредиаковского), да и в его учебнике 1939 г. главу «Кантемир. Тредиаковский» написал Л. В. Пумпянский. Гуковский, разумеется, прекрасно знал Кантемира, но он был ему, видимо, не интересен либо слишком понятен. Возможно, имело значение в данном случае и то обстоятельство, что Кантемир не принимал непосредственного участия в русской литературной жизни и литературных полемиках.

¹⁹ Благонамеренный. 1818. Ч. 4. № 12. С. 273. Ср.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. С. 371—372, 700.

²⁰ Ср.: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004.

Приведу два случайных примера из литературы уже второй половины XX в. В неизвестном романе одиозного в интеллигентской среде писателя Ивана Шевцова «Во имя отца и сына» (1970) в заводском Дворце культуры выступают молодые поэты Артур Воздвиженский и Новелла Капарулина. Во время выступления этих поэтов, прототипы которых легко угадываются, положительный герой романа Саша «дурашливо вполголоса проговорил» соседям: «Антигром, „Анти-Дюринг“, антилопа, антимир, Антиох Кантемир».²¹ Нет сомнения, что имя поэта XVIII в. вставлено тут (и не только для рифмы!) в ряд туманных, непостижимых и даже сомнительных понятий. Но не лучше обстояло дело с пониманием Кантемира и в другом лагере. Во второй половине 1970—начале 1980-х гг. Лев Лосев, видимо уже в эмиграции, написал небольшой цикл «Выписки из русской поэзии», куда вошли главки — «Кн. Шаховской-Харя, Полоцкий Симеон, Евстратий, Козанский 2-й, Кантемир (Молдавия), Андрей Белобоцкий, Кантемир (Петербург), Петров, Батюшков, Пушкин». Цикл вошел в книгу «Чудесный десант» (1985). Кантемир упомянут тут даже дважды. Главка «Кантемир (Молдавия)» не очень интересна и не совсем понятно, имеет ли она отношение к Антиоху Кантемиру, а вот главка «Кантемир (Петербург)»:

Не натопить холодного дворца.
Имея харю назамен лица,
дурак-лакей шагает, точно цапля,
жемчужна на носу повисла капля.
В покоях вонь: то кухня, то сортир.
Ах, невозможно не писать сатир.²²

Материал, конечно, невелик, но трудно избавиться от впечатления, что автору Кантемир не интересен — это просто имя в хронологическом ряду русских поэтов и, безусловно, память о рифме-мифологеме «сатира—Кантемира».

Тем не менее как раз 60-е гг. XX в. дали, как кажется, лучшие подражания Кантемиру. Это стихи И. Бродского «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность» (1966)²³ и послание «К стихам» (1967).²⁴ Особенно удачным представляется второе стихотворение, с эпиграфом из Кантемира:

²¹ Шевцов И. Во имя отца и сына. М., 1970. С. 112.

²² Лосев Л. Стихотворения из четырех книг. СПб., 1999. С. 47.

²³ См.: Бродский И. Сочинения. СПб., 1992. Т. 2. С. 7—10.

²⁴ Там же. С. 39; Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 186.

Не хотите спать в столе. Прытко
возражаете: «Быв здраву,
корчиться в земле суть пытка».
Отпускаю вас. А что ж? Праву
на свободу возражать — грех.
Мне же хватит и других — здесь, мыслю,
не стихов — грехов. Все реже
сочиняю вас. Да вот, кислу
мину позабыл аж даве
сделать на вопрос «Как вирши?
Прибавляете лучей к славе?»
Прибавляю, говорю. Вы же
оставляете меня. Что ж! Дай вам
Бог того, что мне ждать поздно.
Счастья, мыслю я. Даром,
что я сам вас сотворил. Розно
с вами мы пойдем: вы — к людям,
я — туда, где все будем.

До свидания, стихи. В час добрый.
Не боюсь за вас; есть средство
вам перенести путь долгий:
милые стихи, в вас сердце
я свое вложил. Коль в Лету
канет, то скорбеть мне перву.
Но из двух оправ — я эту
смело предпочел сему перлу.
Вы и краше и добрей. Вы тверже
тела моего. Вы проще
горьких моих дум — что тоже
много вам придаст сил, мощи.
Будут за всё то вас, верю,
более любить, чем ноне
вашего творца. Все двери
настежь будут вам всегда. Но не
грустно эдак мне слыть нищу:
я войду в одне, вы — в тыщу.

Несомненная удача этого подражания-стилизации заключается не только в некоторой лексической архаизации и не очень привычном размере (хорей с нарушениями метрической схемы). Бродский неоднократно среди близких ему поэтов называл Кантемира,²⁵ что вообще-то является большой редкостью, если не

²⁵ См.: *Вайль П., Генис А.* В окрестностях Бродского // Литературное обозрение. 1990. № 8. С. 27; *Ранчин А. М.* Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII—

исключением для поэтов XX в. Думается, что эту близость можно пояснить двумя обстоятельствами. Во-первых, оба они — гора-цианцы, что в случае стихотворения «К стихам» особенно важно, поскольку Кантемир сам указал свой образец — «Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание двадцатого письма Орачиева, книги I». Во-вторых, «стихотворное наречие» Кантемира также близко Бродскому, в том числе межстиховые переносы или инверсии. Рассматривая концепцию затрудненной поэтической речи в истории русской поэзии, В. А. Кузнецов возводит особенности поэтического синтаксиса Бродского к поэтической практике Третьяковского,²⁶ между тем родоначальником этой концепции является как раз Кантемир, который последовательно и вместе с тем очень рационально воплотил ее во второй редакции сатир. Таким образом, представляется, что и в современной поэзии подражания Кантемиру, пусть только сатирам, вполне возможны. Но при соблюдении двух условий — гора-цианского подхода к предмету изображения и воплощению доступными средствами поэтического синтаксиса Кантемира.²⁷

И последнее — всем крупным русским поэтам XVIII в. не только подражали, но и пародировали их: и Ломоносова, и Третьяковского, и Сумарокова и других, в том числе и после смерти, причем пародировали иногда зло и жестоко. Кантемиру же только подражали, более или менее удачно, а вот пародии на него неизвестны.²⁸ Над причинами такой избирательности стоит задуматься, но не последнюю роль в этом сыграло его благородство, как поэта, так и человека.

XX веков. М., 2001. С. 99; Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии. М., 2008. С. 44, 113; Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 488.

²⁶ См.: Кузнецов В. А. И. Бродский и риторическая традиция русской поэзии XVIII—XX вв. // Онтология стиха : Памяти В. Е. Холшевникова. СПб., 2000. С. 312—328.

²⁷ Возможны и неожиданные решения. С 2010 г. рок-группа «Отцы и дети», в которую входят преподаватели и студенты Псковского государственного педагогического университета, исполняет на своих концертах композицию «Уме недозрелый (песня двоечника)». Песня (4 четверостишия и припев) составлена из стихов первой сатиры Кантемира. Текст Кантемира несколько отредактирован для лучшего восприятия на слух. Этими сведениями и текстом песни я обязан любезности участницы рок-группы проф. Т. Г. Никитиной (Псков).

²⁸ См.: Мнимая поэзия: Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. М.; Л., 1931; Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.). Л., 1960.